

— Учитель, глядите! — Янь Ли ловко водила кистью из волчьей шерсти по бумаге.

Проучившись всего пару дней, девочка уже вполне уверенно держала инструмент и без труда выводила любые очертания.

Янь Пин через экран видеосвязи взглянул на набросок.

В искусстве владения кистью крылось множество тонкостей. Особенно в традиционной живописи тушью, где каждый штрих подчинялся строгим законам: сила нажатия, плавность линий, темп движения — всё имело значение. Но Янь Ли до этих премудростей было ещё далеко.

Опираясь на её скромные пока умения, Янь Пин подробно разобрал рисунок. Он честно указал на сильные стороны, объяснил, где руке не хватило твёрдости, и не поскупился на искреннюю похвалу.

Янь Ли расплылась в улыбке, прищурившись и обнажив мелкие детские зубки.

— Учитель, я буду стараться ещё лучше!

— Хорошо. Я прослежу за твоими успехами.

Видя, что наставник не просто отделяется дежурными фразами, а действительно даёт обещание, Янь Ли от радости забавно покачала головой.

«Как же мне нравится учитель! Он гораздо лучше всех школьных преподавателей вместе взятых».

Девочка предвкушающе легла подбородком на стол, пытаясь заглянуть за нижний край экрана.

— Учитель, а где вы живёте? Я хочу отправить вам подарок!

Ей до безумия хотелось узнать, как он выглядит, ведь его лица она так ни разу и не видела.

Янь Пин посмотрел на пухлую детскую щёчку, забавно расплюснутую о столешницу.

— Не нужно, — мягко отказался он.

Янь Ли обиженно надула губы и тихонько пробурчала под нос:

— Но Лили очень хочет сделать учителю подарок...

На самом деле хитрый план девочки заключался в другом: вывести адрес, а на зимних каникулах нагрянуть в гости без предупреждения и устроить грандиозный сюрприз.

Стоявший неподалёку Янь Цзюнь почувствовал укол ревности. Сколько бы он сам ни хвалил сестру, та ни разу не порывалась подарить ему что-нибудь. Малышка ещё даже не выросла, а он уже ощутил эту горькую тоску старшего брата, у которого уносят любимый цветок вместе с горшком.

Янь Цзюнь не понимал простой вещи: его похвалы всегда были слепыми и предвзятыми. За малейший шаг вперёд он превозносил сестру как гения мирового масштаба. Янь Ли, привыкшая к этим восторгам с пелёнок, давно выработала к ним стойкий иммунитет. Вдумчивые же замечания Янь Пина, в которых деликатно сочетались критика ошибок и признание заслуг, ценились ею куда выше.

Заблокировав телефон, Янь Пин откинулся на спинку стула. Он на миг испытал вихрь сложных чувств, который быстро утих, уступив место привычному спокойствию.

В системном магазине семена гибридного риса требовали колоссального количества очков заслуг. Заполучить их в ближайшее время было немыслимо. И всё же Великая Юн обязана обрести этот рис.

Отныне это его главная цель — на годы, а быть может, и на десятилетия вперёд.

К этой мысли он отнёсся на удивление спокойно. В конце концов, речь шла о спасении миллионов жизней и благе будущих поколений — столь великое сокровище не могло даваться даром.

После полудня Янь Пин в облике чёрного кота снова дремал на заборе начальной школы номер два.

Однако на сей раз после звонка он не спешил уходить. Мучимый смутными подозрениями, он ловко спрыгнул вниз и в несколько прыжков добрался до раскидистого баньяна, под которым притаился в прошлый раз. Кот чинно уселся на землю, решив лично проследить за развитием событий.

Он ещё плохо понимал законы этого мира, но тайные призывы уводить младших братьев и сестёр на какие-то сомнительные сборища, скрывая это от родителей, казались ему в высшей степени подозрительными.

Косые лучи заходящего солнца окрасили крону векового баньяна в багряно-золотые тона, заставив даже пожухлые листья светиться волшебным блеском.

Сорванный порывом ветра листок закружился в воздухе и, завершив свой недолгий танец, мягко опустился на спину чёрного кота.

Зверь сидел неподвижно и грациозно, лишь кончик хвоста изредка лениво подрагивал. Казалось, он то ли ждал кого-то, то ли просто наслаждался последним теплом угасающего дня.

Прошло немало времени, но те двое детей в бумажных коронах так и не появились. Зато к баньяну прибежала ватага школьников. Сжимая в кулаках печенье и сосиски, они наперебой засюсюкали: «Кис-кис, иди сюда!» — и потянулись к коту, мечтая его погладить.

— А почему он не ест? — удивлённо спросила маленькая девочка, настойчиво пихая печенье прямо коту под нос.

— Глупая, ничего-то ты не понимаешь! Кошки — хищники, они едят только мясо, — гордо заявил стоявший рядом мальчишка, так и сияя под её восхищённым взглядом.

Он зубами сорвал плёнку с дешёвой сосиски, только что купленной в школьном ларьке, освободил кусочек побольше и протянул коту.

Однако чёрный кот даже не повёл ухом. Мальчик, уязвлённый в лучших чувствах перед лицом своей юной почитательницы, сердито фыркнул:

— Да в ней один крахмал, мяса совсем нет! Вот почему он воротит нос. Сейчас я сбегаю домой за настоящим мясом, увидишь, он всё слопает!

Он поправил за плечами ранец и со всех ног припустил к дому, крича на ходу:

— Ждите меня здесь, я мигом!

Брезгливо обойдя разложенные перед ним яства и окончательно убедившись, что подозрительные дети сегодня не придут, Янь Пин поднялся. Под разочарованные вздохи обступившей его детворы он лёгким прыжком взлетел на забор и скрылся из виду.

— Котик, ну куда же ты? Чжан Сяо сейчас мясо принесёт!

Чёрный кот лишь лениво качнул хвостом и, проигнорировав детские призывы, неспешно удалился.

Стараясь не попадаться людям на глаза, он добрался до своего дома, но у самых дверей квартиры заметил незваного гостя.

Янь Пин мгновенно замер, бесшумно развернулся и спустился на пролёт ниже. Выпрыгнув из окна четвёртого этажа на внешний блок кондиционера, он ловко перебрался на кухонный подоконник и проник внутрь квартиры.

Оказавшись дома, он тут же принял человеческий облик. Кости прошила знакомая мучительная боль. Выждав, пока приступ немного утихнет, Янь Пин, преодолевая слабость, быстро принял душ, чтобы смыть холодный пот, переоделся в чистое и лишь тогда пошёл открывать дверь.

Приунывший у порога Бай Фан при звуке замка вскинул голову. Увидев Янь Пина, он тут же скорчил уморительно-жалобную мину и картинно вцепился брату в колени.

— Брат! Я проторчал тут целую вечность! Ты же был дома, почему не открывал?!

— Спал, не слышал, — равнодушно отозвался Янь Пин, за шиворот поднимая его с пола. — Зачем пришёл?

— Меня через пару дней увозят на съёмки шоу, вот я и решил перед отъездом закатить тебе настоящий пир! — Бай Фан с гордостью продемонстрировал два тяжелых пакета с продуктами.

Янь Пин помедлил. Он уже собирался отправить незваного гостя восвояси, но, взглянув на его сияющие глаза и на то, как тот забавно переминается с ноги на ногу, пытаясь размять затекшие от долгого ожидания ступни, вздохнул.

— Проходи.

Получив добро, Бай Фан, позабыв про затекшие ноги, с весёлым гомоном устремился на кухню.

— Уж сегодня-то я тебя ублажу, пальчики оближешь!

Но на полпути он резко замер и изумлённо уставился на руки Янь Пина.

— Погоди, брат, а рука твоя как? Уже зажила? Так быстро? Говорят же: переломам нужно сто дней на восстановление!

— Всё в порядке, — не стал вдаваться в подробности Янь Пин. Закатав рукава, он вошёл вслед за ним на кухню, чтобы помочь. — Бай Хань придёт? Если да, нужно поставить побольше риса.

— Нет, я от него втайне удрал! Чжэн Тун меня прикрывает, так что комар носа не подточит, — заговорщицки ухмыльнулся Бай Фан, шустро раскладывая продукты по местам.

Янь Пин промолчал, принявшись промывать рис.

Всыпав промытую крупу в рисоварку, он потянулся к овощам. Подставив их под струю воды, Янь Пин вспомнил, что Бай Фан — местный, и должен лучше разбираться в здешних порядках.

— Скажи, если группу детей увлекают на какое-то мероприятие и просят обязательно приводить с собой младших братьев и сестёр, это не кажется тебе странным?

Бай Фан, увлечённо возившийся у плиты, краем глаза следил за манипуляциями Янь Пина и вполуха слушал его вопрос.

«Дети? Младшие братья и сёстры?»

Раз могут вести за собой малышей, значит, сами уже довольно взрослые.

Поскольку Бай Фан шестнадцать лет прожил взаперти под строгой опекой и понятия не имел о том, что такое похищение детей, он лишь беззаботно мотнул головой:

— Да нет, вполне обычное дело. Школьники вечно ввязываются во всякие авантюры. Мало того что обожают подобные сборища, так ещё и соперничают друг с другом: у кого, мол, брат или сестра послушнее и симпатичнее.

— Недавно вон племянник Чжэн тоже втихаря увёл сестрёнку на какую-то вечеринку в загородном коттедже. Девчонка в итоге простудилась, а парню родители такую взбучку устроили — любо-дорого вспомнить. Мелкие сорванцы, что с них взять? На то они и дети, чтобы пакостить и искать приключения на свою голову. А однажды у Сюй...

Бай Фан без умолку тараторил, приводя один пример за другим. На самом деле он просто пытался отвлечься от созерцания того, как медлительно Янь Пин моет зелень. Это зрелище причиняло ему почти физические страдания.

«Ну почему так медленно? Так и подмывает выхватить у него эту капусту!»

«Нет-нет, нельзя. Брат решит, что я над ним насмехаюсь или упрекаю в неловкости. Держи себя в руках!»

Пока на душе у Бай Фана скребли кошки, он даже не догадывался, что под «детьми» они с Янь Пином подразумевают совершенно разные возрастные категории. В представлении юноши, способными уследить за младшими были как минимум ученики средних классов. Тому же

племяннику Чжэн исполнилось тринадцать — для Бай Фана он всё ещё оставался сущим ребёнком.

Выслушав доводы коренного жителя и решив, что паника преждевременна, Янь Пин умерил подозрительность. В конце концов, он совсем недавно покинул раздираемый интригами императорский двор Великой Юн. Неудивительно, что его разум, привыкший к ежеминутным заговорам, теперь повсюду видел скрытую угрозу.

В это же время на другом конце города Е Тин с чувством глубокого удовлетворения потягивал молочный чай после победного командного сражения. Не проводи он ту решающую атаку, катка была бы безнадёжно слита.

Он уже собирался запустить следующий матч, как вдруг на телефон пришло сообщение от Цинь Хуаня. Взглянув на экран, Е Тин едва не поперхнулся чаем.

Что за бред?! Они собираются разыскать Янь Пина и устроить с ним настоящие мужские разборки?!

Перед глазами у него тут же возник образ Янь Пина, который одним непринуждённым пинком перевернул тяжеленную кровать весом под центнер. Е Тин судорожно сглотнул и дрожащими пальцами набрал голосовое:

— Вы сейчас где?

— Мы уже у его подъезда, — пришёл ответ.

Выбравшись из машины, Цинь Хуань и его спутники окинули взглядом неказистый фасад обшарпанной многоэтажки и довольно переглянулись. Нищета, в которой ютился их соперник, грела им душу и вселяла оптимизм.

Прочитав это, Е Тин в отчаянии закрыл глаза. Он ведь сто раз предупреждал их, что Янь Пин чертовски опасен!

Понимая, что упрямых баранов уже не остановить, он вздохнул и напечатал:

— Сколько вас?

— Только я, Гу Юй и Чжун Нань. Чу Сан занят, так что он мимо. Всё, мы поднимаемся, споемся позже, — ответил Цинь Хуань и убрал телефон в карман.

«Всего трое!»

Е Тин мысленно перекрестился, вспоминая их прошлую эпическую встречу в больнице. Не теряя драгоценных секунд, он зашёл в приложение клиники и оперативно забронировал три места в травматологии.

«Братя, это всё, чем я могу вам помочь. Да пребудет с вами сила».

На кухне раздался настойчивый стук в дверь. Бай Фан уже было дёрнулся открыть, но Янь Пин остановил его жестом. Насухо вытерев руки полотенцем, он сам направился к прихожей.

<http://bllate.org/book/18369/1863132>